

УДК 821.161.3-97.09"16"

Элла Дюкова (Минск)

СВОЕОБРАЗИЕ ЖАНРА ХОЖДЕНИЙ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ И «ПЕРЕГРИНАЦИЯ...» НИКОЛАЯ КРИШТОФА РАДЗИВИЛЛА (СИРОТКИ)

Как известно, основоположником жанра хождений считается игумен Даниил (XII в.). На протяжении многих веков создавались классические образцы и модификации жанра хождений, вызывая широкий читательский интерес. История развития жанра привлекает и пристальное внимание литературоведов. «Хождения» получили распространение прежде всего в восточнославянском ареале, потому именно здесь занимались их изучением наиболее основательно. Следует отметить, что в каждом национальном литературоведении сложилось свое видение развития жанра.

Так, в России основным теоретиком «хождений» можно считать Николая Ивановича Прокофьева. Он выделяет пять жанровых групп хождений: 1) документально-художественные произведения очеркового порядка; 2) «путники» — краткие практические указатели маршрута, 3) «скаска», записи устных рассказов русских людей, побывавших за границей или приезжавших на Русь иноземцев, 4) статейные списки — отчеты послов, 5) легендарные или вымышленные рассказы о путешествиях, составленные с публицистической целью [7, с. 4–24]. Самой популярной считается первая группа произведений. Речь идет об описании путешествий к святым местам, совершаемых паломниками. Причем, если в XII–XIII вв., в основном, преобладали именно паломнические хождения, то приблизительно с XIV в. расширяется география путешествий, а к XV в. возникает четкая тенденция к созданию светского типа хождений. На периодизацию русских литературных жанров повлияли обстоятельства, вызванные монголо-татарским нашествием и, особенно, избавлением от него. После Куликовской битвы (1380) в русской литературе стали происходить серьезные изменения. Помимо неослабевающего интереса к Святым местам и Ближнему Востоку, путешественники устремляются также в католическую Европу, на мусульманский Восток, в фантастическую Индию. Происходит неизбежное обмирщение жанра. В XV–XVII вв. на Руси появляются купеческие, а также землепроходческие хождения, совершаемые простыми людьми на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток и в Китай. Первым дошедшим до нас произведением этой разновидности стало «Хождение за три моря» Афанасия Никитина (XV в.). Значительно расширился кругозор путешественника, увеличилось количество увиденных людей и мест, изменился и сам образ автора. Повествователь фактически становится главным героем произведения, его образ раскрывается не только через действия, но также через размышления и молитвы. В центре внимания — жизнь людей во всех ее проявлениях. Преобладающим принципом повествования в «Хождении за три моря» становится хронологический: расстояние между пунктами Афанасий измеряет днями пути, отказавшись от строгого следования топографии. Еще более интересно в этом смысле «Хождение Трифона Коробейникова в Царьград», в котором мы наблюдаем элементы паломнического, купеческого и посольского «хождений», объединенные по топографическому принципу. Однако процесс развития жанра нельзя сводить лишь к обмирщению и росту художественности текстов. Обретая новые жанровые особенности, древние хождения нашли свое органичное продолжение в русской путевой литературе XVII–XVIII вв., классическим образцом которой считается «Путешествие» стольника Петра Толстого, побывавшего в 1697–1699 гг. в Италии и на Мальте. В то же время при поддержке Церкви продолжали создаваться паломнические хождения. По мнению русских исследователей (Ольшевская Лидия Альфонсовна, Травников Сергей Николаевич), итоговым произведением, представляющим это направление, является «Хождение» Ивана Лукьянова, совершившего в 1701–1703 гг. путешествие в Иерусалим [4, с. 371].

Подводя итоги, приведем цитату из московского издания «Литературная энциклопедия терминов и понятий», в которой раскрывается преобладающее в русском литературоведении определение жанра: «ХОЖДЕНИЕ, Хожение — жанр древнерусской литературы, посвященный описаниям путешествий, новых мест, чужих стран; путевые записки» [3, с. 1167].

В Украине активно занимается паломнической литературой исследователь Петр Васильевич Билоус. Украинский медиевист справедливо считает, что в изменяющихся исторических условиях постепенно хождения освобождаются от традиционного литературного этикета, в них появляется светское начало, расширяется круг авторских интересов, в тексты проникают ренессансные, барочные, просветительские тенденции. Ученый обращает внимание на то, как, в связи с развитием жанра, выразительней очерчивается авторская индивидуальность, беллетризуется стиль, появляются новые художественные средства [см.: 1, с. 45]. Свои наблюдения над украинским полем хождений Билоус делает на основании анализа текстов Даниила Паломника, Досифея, Арсения Селунского, Даниила Корсуньского, Исаакия Борискевича, Мелетия Смотрицкого, Макария и Сильвестра, Ипполита Вышенского, Варлаама Линецкого, Сильвестра и Никодима, Василия Григоровича-Барского, Серапиона, Луки Яценко (Зеленского). Все рассмотренные произведения, несмотря на их разноплановость, Билоус характеризует как хождения, хотя и отмечает, что в них отражена «сложная диалектика литературных поисков». Эпоха активизировала внимание к человеческой личности, соответственно, в литературном произведении усиливается индивидуальное начало, предметом описания становятся не только увиденные достопримечательности, но и переживания, впечатления, эмоции автора. Видоизменяясь в процессе развития культуры, жанр хождений, по мнению украинских исследователей, достиг своего апогея и одновременно исчерпал себя в творчестве Василия Григоровича-Барского [1, с. 48]. Произведение «Странствования Василия Григоровича-Барского по Святым местам Востока с 1723 по 1747 г.» является в своей основе паломническим текстом, в котором воплощены и традиционные приметы хождений, и зачатки новых литературных жанровых образований. Следует отметить, что работам Билоуса присущ доказательный и объективный подход к предмету исследования.

В одном из самых современных энциклопедических изданий Украины — «Літературознавча енциклопедія», — жанр хождений рассматривается как «прочанская литература» и дается ему следующее определение: «Прочанська література — жанр літератури, твори, що поширювалися із розвитком християнства, присвячені опису мандрівок прочан, паломників, які, сповідуючи ідеї аскетизму, ригоризму, іноді чернечої суворості, відвідували святі місця, пов'язані з перебуванням Ісуса Христа, апостолів, отців церкви, подвижників віри» [8, с. 287].

Характеристика україноведческой позиции в отношении жанра хождения была бы не полной, если бы мы не упомянули о вкладе в разработку этого направления исследователя Николая Матвеевича Сулимы. Его работы раскрывают еще одну важную тенденцию осмысления анализируемого жанра в украинской науке. Сулима рассматривает те тексты, в которых нашли отражение путешествия представителей молодого поколения за границы украинских земель в поисках образования, знаний в центры европейской науки и культуры. Дополняют картину хождений и исследованные Сулимой тексты так называемых «распросных речей» Тарасия Каплонского.

Что касается белорусского литературоведения, то специального системного исследования данного жанра здесь не производилось вплоть до конца XX века, хотя отдельные наблюдения над произведениями соответствующего жанра осуществлялись. Имеется ввиду солидная монография Вацлава Юстиновича Ластовского «Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі» 1926 года издания. В годы сталинского режима ученый, академик АН Беларуси Ластовский был репрессирован. Его работы, изъятые из научного оборота, возвращаются в научный обиход с началом эпохи перестройки...

В 1977 г. известный белорусский ученый-медиевист Вячеслав Антонович Чемерицкий весьма авторитетно заявил: «З усіх жанраў «...» найбольшае развіццё у XIV–XV ст.ст. на беларускіх землях атрымалі хаджэнні. Служачы культурнаму абмену паміж краінамі, гэтыя падарожжы, як і літаратурныя апісанні іх, мелі вялікае пазнавальнае значэнне» [5, с. 51]. В последнее время ведущим исследователем жанра хождений в Беларуси считается Сергей Леонтьевич Гаранин. Ученый признает, что прогресс человечества вызывает определенную

эволюцию литературных жанров, в т. ч. и хождений. Об этом свидетельствует уже произведение Игнатия Смолянина с его системой ценностей. Антитеза «своя-чужая» земля приобретала не религиозный, а геополитический характер [2, с. 92]. Сакральное пространство Святой земли все более замещается культурным пространством ренессансного Запада. В процессе описания истории жанра хождений в Беларуси исследователь называет интересными следующие произведения «Аб норавах татароў, літоўцаў і масквіцян» М. Литвина, «Пасольства Льва Сапегі ў Маскву» Гальяжа Пильгримовского и многие другие, в том числе иностранные произведения, признавая в них элементы интересующего нас жанра.

В определении же хронологических рамок существования жанра хождений на белорусских землях Гаранин исключительно конкретен. Он считает, что «класічныя хаджэнні, выканаўшы сваю гістарычную ролю, адыходзяць разам з эпохай Сярэднявечча...», что «пераймальнасці ў выглядзе непасрэднага ўплыву паміж хаджэннямі і творамі эпохі Адраджэння бачыць усё ж такі нельга: Адраджэнне было не працягам старых традыцый, а адмаўленнем Сярэднявечча» [2, с. 93]. Другие белорусские медиевисты — Короткий Владимир Георгиевич, Казакова Татьяна Петровна — конец существования названного жанра также связывают с XV веком.

С момента же появления интереса к исследованию данного жанра внимание белорусских ученых привлекают исключительно тексты, которые представляют непосредственно процесс паломничества, условно говоря, хождения в их первоначальном, чистом, классическом виде.

Таким образом, на основании отмеченного, мы можем констатировать существование различий в подходе к жанру хождений в русском, украинском и белорусском литературоведении.

Не так давно белорусская культурная общественность получила возможность более полного знакомства со списками текста «Перегриации» Николая Криштофа Радзивилла. В 2009 г. в Национальной библиотеке Беларуси при участии исследователей Георгия Яковлевича Галенченко и Жанны Николаевны Некрашевич-Короткой было осуществлено издание электронного диска «RADZIVILIANA», содержащего полнотекстовые копии публикаций «Перегриации...» Николая Криштофа Радзивилла Сиротки на латинском, польском и русском языках. Отдельное белорусское издание появилось в 1994 году благодаря переводу Сергея Анатольевича Шупы [см.: 6, с. 165–447].

«Перегриацию» Радзивилла можно рассматривать как новый этап в развитии белорусского жанра хождений. С одной стороны, в указанном тексте присутствуют явные и прямые признаки канонического образца жанра, с другой — это уже качественно новое произведение. Совершенно очевидно, что в основе произведения лежит идея паломничества, поклонения святым местам: «...розымі спосабамі Госпад Бог людзей аблудных на шлях збавення настаўляе... Найгалоўнейшы спосаб, якім людзей ад грэху ратуе, ёсць бясконца ласка Ягоная, невыказныя дабрадзеіствы Ягоныя» [6, с. 168]. Подобно тому, как игумен Даниил в начале своего повествования обращается к Богу, так и Радзивилл Сиротка возносит хвалу Господу: «Хай же блаславіцца Найсвяцейшае Госпада нашага імя...» [6, с. 168]. Он представляется читателю, описывает цели и причины предпринятого паломничества. В то же время, перед нами произведение совершенно нового уровня, воплотившее соединение основных достижений ренессансной литературы с лучшими классическими чертами древнеславянской письменности. Уже само название произведения — «Перегриация» — дает основания видеть в нём модификацию жанра паломнических хождений, черты которого прослеживаются при подробном анализе. Само слово «перегриация» — латинского происхождения, и можно было бы посчитать, что это западноевропейский аналог восточнославянского термина «хождение». Однако этимология слова «перегриация» содержит следующий смысл: странствование, путешествие или пребывание за границей. Таким образом, выскажем предположение. Появившись, видимо, еще до распространения христианства, латинское слово «перегриация» носило гораздо более светский характер, чем слово «хождение». Соответственно, можно считать, что от произведений жанра «перегриация» следует ожидать большую тематическую широту, чем от жанра хождений.

Рассмотрение причин невероятной популярности «Перегриации» Радзивилла также способствует определению её художественных особенностей. Текст пришелся по вкусу читателю, жаждущему нового и интересного. С одной стороны, продолжается рост общественного интереса к известным христианским святыням, с другой — поощряется знакомство

с западноевропейскими странами, активизируется интерес к далеким и загадочным землям Ближнего Востока. Всё это нашло отражение в произведении. Кроме того, интерес вызывала и сама личность автора. Важно представлять себе значимость и влияние в Великом княжестве Литовском такого высокопоставленного сановника, политического деятеля и мецената, каким являлся Николай Криштоф Радзивилл в последней трети XVI века. За 30 лет его карьера продвинулась к самым вершинам сановой лестницы (в 1569 г. — придворный, затем с 1579 г. великий литовский маршалок, с 1586 — каштелян, а с 1590 г. — воевода, сначала трокский, затем виленский, а это — одна из самых крупных светских должностей ВКЛ).

Многочисленные издания и переиздания текста «Пereгринации» свидетельствуют об огромном и неослабевающем интересе к произведению и личности автора. К сожалению, оригинальные записи Николая Криштофа Радзивилла до сих пор не найдены. По мнению некоторых историков (Галенченко), скорее всего, они не соответствовали той форме, которую приобрели при первом издании (в виде писем к другу), что более всего соответствовало духу и требованиям того времени.

По мнению известного польского историка Станислава Александровича, наиболее ранним из сохранившихся рукописных текстов можно считать рукопись из архива Сангушек (Archiwum Państwowe Miasta Krakowa i Wojewódstwa Krakowskiego. Oddział na Wawelu. Archiwum Sanguszków, ktps. 34), на которую ученые особенно не обращали внимания. Датируется текст приблизительно началом 90-х годов XVI века. Судя по особенностям оформления, почерку, филигранях, переплете из кожи с позолоченной лилией в медальоне, это последний авторский вариант рукописи Радзивилла, не предназначенный для печати.

Литературоведческой наукой зафиксировано не менее 20 изданий «Пereгринации» — от первого, латиноязычного 1601 г., подготовленного варминским каноником и теологом Томасом Третером, до последующих изданий 1614, 1753, 1756 гг. На немецком языке текст был издан в 1603, 1605 гг., на польском — в 1607, 1611, 1617, 1628, 1683, 1745 и др. Наиболее полными считаются два польских издания — Яна Чубка и Лешка Кукульского 1925 и 1962 гг., т. к. считается, что они основаны на рукописях «первой» редакции и имеют библиографические и исторические комментарии. Первое издание на русском языке вышло в Санкт-Петербурге в 1879 г., а в 1990 г. текст «Пereгринации» был переведен на литовский язык.

Паломничество в Святую Землю Радзивилл (Сиротка) предпринял в 1582 году в благодарность Господу за чудесное исцеление от тяжелой болезни, поразившей его, по собственному мнению, за грехи молодости. Однако, вполне возможно, как предполагает Гаранин, такое объяснение — это лишь литературный прием отображения набожности героя, использованный для «раскрытия працэсу яго ўяўнага самаўдасканалення» [2, с. 94]. С другой стороны, Николай Криштоф находился во власти мистицизма, присущего всему магнатскому роду Радзивиллов [2, с. 94]. Страх перед неминуемой смертью, загробным проклятием, усугубляемый болезнью, был еще одним фактором, побуждавшим грешника искать пути спасения.

Однако не только религиозные чувства стали поводом для путешествия. Радзивилл (Сиротка) намеревался также посетить и другие неведомые ему страны, влекомый жаждой знаний и приключений. Об этом, в частности, свидетельствуют полученные им в Гродно от Батория рекомендательные письма для проезда в Триполитанию (Ливан), Дамаск, Иерусалим, а также в Египет, Сирию, к венецианскому дожу. Более того, как заметил Сергей Гаранин, «каля Божай дамавіны знатны багамольнік пабыў значна меней, чым у Егіпце і іншых «экзатычных» мясцінах Усходу» [2, с. 95]. Помимо католических святынь, Радзивилл посетил православные и мусульманские храмы, куда, как правило, не пускали представителей другой веры, а тем более иностранцев. Его интересовали природа и застройка, уклад жизни местных жителей, их обычаи. О разностороннем образовании автора свидетельствовали профессиональные описания сакральных храмов и светских построек, египетских пирамид и многообразных гробниц. Радзивилл не только мастерски описывает увиденное. Сталкиваясь с чем-то необычным, он пытается проникнуть в сущность явления, понять и раскрыть его причину. Яркие примеры — описание Александрии с объяснением причин нездорового и опасного летом воздуха. О наблюдательности автора, его умении передать экзотику увиденного свидетельствуют также рассказы о Дамаске, о набожных людях без волос и одежды, живущих ангельской жизнью, о торговцах драгоценными камнями из Восточной Индии [6, с. 199].

Как человек эпохи Возрождения, во время своего путешествия Радзивилл собирал коллекцию редких растений и животных: двух леопардов, двух королевских крыс, киноцефалов, морских котов. Вез он и красивых попугаев, и козерогов, которые, к сожалению, не перенесли путешествия и погибли во время плавания [6, с. 382].

7 июля 1584 г. странник из рода Радзивиллов вернулся на Родину, в Несвиж. Предпринятое путешествие и паломничество к Святым местам не могло не изменить образ жизни Николая Криштофа Радзивилла. В последующие тридцать лет он практически избегал государственно-политической деятельности, занимался переустройством своего города, созданием нового замка, храмов, монастырей. В 1616 году в соответствии с его желанием он был похоронен в храме Божьего тела, одетый в паломническое платье

Подводя итог под этим коротким анализом «Пereгринации» Николая Криштофа Радзивилла, отметим следующее. Показательно, что автор паломничества, рожденный в новом, по сравнению с игуменом Даниилом, времени, духовные ценности — все, связанное с Библией, воспринимает с тем же благоговением. При знакомстве с материалом светского характера у писателя проявляется образованность, исключительная любознательность. Автор ярко и живо описывает реалии своего путешествия, приключения и опасности длинного и сложного пути. В отдельных случаях в его произведении звучит скепсис образованного человека (ироническое отношение Радзивилла к некоторым обрядам и преданиям). По существу, перед нами тот же жанр, жанр хождений, но в несколько новом эволюционном представлении. Кстати, явленном спустя полтора столетия в «Странствованиях...» выпускника Киево-Могилянской академии Григоровича-Барского. Напомним, украинский исследователь Билоус хронологические рамки жанра «хождений» определяет XII–XVIII вв. Произведение Радзивилла, впервые изданное в 1601 году, т. е. в самом начале XVII в., и типологически, и хронологически укладывается в эти рамки.

Сергей Гаранин, хотя и сузил рамки развития жанра хождений в Беларуси, не мог не принять во внимание текст «Пereгринации» Радзивилла. Отмечая оригинальность произведения, Гаранин высказывает собственное предположение относительно причин этой оригинальности: «Радзівіл не арыентаваўся на ўсходнеславянскія хаджэнні, якія, у параўнанні з літаратурнымі ўзорамі Рэнесансу, былі вельмі прымітыўнымі» [2, с. 97]. Определенной корректировки требует следующее положение Гаранина относительно «Пereгринации»: ученый пишет о нем как об «апошнім творы беларускай паломніцкай літаратуры» [2, с. 94].

Современный подход к средневековой литературе Беларуси, когда понятием «национальное» предлагается охватывать все культурное наследие народа, независимо от языка создания (в том числе и латиноязычные, и польскоязычные тексты), расширяет поле текстов, имеющих отношение к жанру хождений. Требует своего нового прочтения — как литературное описание паломничества, как философское произведение, а не как произведение конфессионально-полюемического характера — «Апология pereгринации в Святую землю» Мелетия Смотрицкого, изданная во Львове в 1628 г. — «Apologia peregrinaczej do krajow wschodnich Meliciusha Smotrickiego R. P. 1623 i 1624 obchodzonej przez falszywa bracia slownie i na pismie spotwarzonei do przezacnego narodu ruskiego obojego stanu duchownego i swieckiego sporzadzona i podana». В Беларуси Мелетия Смотрицкого — по сфере деятельности, по особенностям менталитета, по отличительному отношению к исторической реальности — справедливо причисляют к украинско-белорусским писателям. «Пereгринацию» Мелетия Смотрицкого можно рассматривать как явление в национальной культуре, соединившее традицию «Хождения Даниила Паломника» и новых приобретений жанра, осуществленные благодаря «Пereгринации» Николая Криштофа Радзивилла. На отличительных чертах их произведений, кроме авторских индивидуальных качеств, отразилось влияние западноевропейского возрождения, ренессансные, раннебарочные тенденции.

Принимая во внимание «сакральные импульсы» создания произведения «Гісторыя падарожжа ў Маскву», «Дыярыюша» Афанасия Филипповича, есть все основания и этого автора причислить к тем, кто вольно или невольно разрабатывал жанр хождений. На формировании творческого почерка Филипповича, выдающегося представителя старобелорусской литературы середины XVII в., отразились и византийские, и южнославянские, и западноевропейские традиции и веяния.

Все вышесказанное, по нашему мнению, позволяет сделать следующее заключение: в истории белорусской литературы жанр хождений вполне можно не ограничивать XV в., а значительно расширить его временные рамки. В том числе, и за счет «Перегринации» Николая Криштофа Радзивилла (Сиротки), созданной в начале XVII в.

Література:

1. Білоус П. Паломницький жанр в історії української літератури / П. Білоус. — Житомир, 1997. — 160 с.
2. Гаранін С. Шляхамі даўніх вандраванняў: гісторыка-тэарэтычны нарыс развіцця беларускай паломніцкай літаратуры XII–XVI стст. / Сяргей Гаранін. — Мінск : Тэхналогія, 1999. — 203 с.
3. Гладкова О. В. Хождение / О. В. Гладкова // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. — М. : НПК «Интелвак», 2003. — С. 1168–1169.
4. Древнерусская литература XI–XVII вв. / под ред. В. И. Коровина. — М., 2003. — 446 с.
5. История белорусской дооктябрьской литературы / редкол.: В. В. Борисенко, Ю. С. Пширков, В. А. Чемерицкий. — Минск. : Наука и техника, 1977. — 640 с.
6. Кніга жыццй і хаджэнняў / уклад., прадм. і камент. А. Мельнікава. — Мінск : Маст. літ., 1994. — 503 с.
7. Прокофьев Н. И. Хождение как жанр в древнерусской литературе / Н. И. Прокофьев // Ученые записки МГПИ. — 1968. — Т. 28. — С. 3–24.
8. Прочанська література // Літературознавча енциклопедія : у 2 т. / автор-укладач Ю. І. Ковалів. — Київ, 2007. — Т. 2. — С. 287.

**Peculiarities of East-Slavic Literary Pilgrimage Genre
and «Peregrination» of Nikolai Krishtof Radzivil**

The article investigates the researcher of the East-Slavic literary science about pilgrimage genre. Various national lines of pilgrimage texts study are revealed and researched in this paper. Particular attention is paid to the typological approach to the research of the «Peregrination» of Nikolai Krishtof Radzivil.

УДК 821.161.2-141.09:2-583

Лілія Гудзь (Київ)

**АВТОРСЬКА МОЛИТВА ТА ЇЇ РОЛЬ У ПОЕЗІЇ БАРОКО
(на прикладі поеми Іоанна Максимовича
«Богородице Дѣво, радуйся»)**

Письменницький талант свт. Іоанна Максимовича протягом століть ставився під сумнів ще його сучасниками через великий обсяг творів та надмірну схильність автора до віршування. Вперше критично висловився щодо творчості архієпископа Іоанна Максимовича свт. Димитрій Туптало у листі до Стефана Яворського (1708): «Книгу друкованих віршів мені надіслали. Бог дав тим віршоробам і друкарню, і бажання, і гроші, і вільне життя. Речі, мало кому потрібні, у світ з'являються...» [5, с. 120]. Деякі твори письменника жодного разу не перевидавалися, декілька перевидань у Росії витримав лише «Іліотропійон». Проте архієпископ Чернігівський Іоанн Максимович (пізніше — митрополит Тобольський і Сибірський, згодом канонізований) був відомий своєю культурно-освітньою діяльністю як засновник Чернігівського колегіуму та продовжувач видавничої справи Лазаря Барановича. Зробив внесок свт. Іоанн і в розвиток української літератури, створивши зразки вірша-притчі, дидактичної і духовної поезії, філософського вірша, поетичних епіграм, він став одним із фундаторів української агіографічної, емблематичної та маріологічної поезії доби Бароко. Прикладом останньої є велика поема